

Смирнова Ирина Юрьевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви, Институт российской истории РАН

Адрес: 117036, Российская Федерация, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

«Светлый луч восточной иерархии»: Вселенский патриарх Константин I*

DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10003

На материалах личного фонда А.Н. Муравьева (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки 188) в статье анализируется деятельность архиепископа Синайской горы и патриарха Вселенского Константия I (1768–1859) и его роль в межцерковных отношениях между Восточными Патриархатами и Всероссийским Святейшим Синодом. Особое внимание уделено участию Константия I в дискуссиях с представителями России, Франции и Великобритании накануне Крымской войны, в разгар спора о святых местах Палестины.

Ключевые слова: Константинопольский патриархат, Всероссийский Святейший Синод, Константин I, Муравьев, Иерусалимский патриархат, святые места.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-09-41010.

Irina Yu. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Address: 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, Russian Federation, 117036

E-mail: irinasmirnova@mail.ru

"A bright ray of Eastern Hierarchy": Ecumenical Patriarch Constantius I of Constantinople*

DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10003

Based on materials from the personal fund of A.N. Muravyov (Research Department of Manuscripts of the Russian State Library 188), the article analyzes the activities of the Archbishop of Mount Sinai and Ecumenical Patriarch Constantius I of Constantinople (1768–1859) and his role in the interchurch relations of the Eastern Patriarchates with the Most Holy Governing Synod. Particular attention is paid to the participation of Constantius I of Constantinople in discussions with representatives of Russia, France and Great Britain on the eve of the Crimean War in the midst of a dispute over the holy places of Palestine.

Keywords: Constantius I of Constantinople, Most Holy Governing Synod, Muravyov, Jerusalem Patriarchate, holy places, Jerusalem, Palestine.

---

* The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project No. 19-09-41010.

Особая роль в межцерковных и межконфессиональных контактах на Православном Востоке принадлежит патриарху Вселенскому и архиепископу Синайской горы Константию I (1768–1859). Известный своими выдающимися познаниями в области богословия, истории и археологии, Константин пользовался заслуженным авторитетом не только среди восточных иерархов, но и в России, где провел около пятнадцати лет. Более четверти века Константин находился в переписке с А.Н. Муравьевым, знакомство с которым состоялось в 1829 г. при посещении последним Константинополя во время первого его путешествия на Восток. Эта переписка, публикуемая ниже, легла в основу предлагаемого очерка о деятельности патриарха Константия и его связях с Россией и Русской Церковью. Благодаря Муравьеву состоялось заочное знакомство Константия с митрополитом Московским, и оба архипастыря, в силу своего авторитета в России и на Православном Востоке, определяли церковную стратегию Восточной Греко-Российской Церкви.

Константий родился в Константинополе, на Синайском подворье в предместье Болати, находившемся по соседству с греческим кварталом Фанар. Начальное образование получил под руководством своего дяди, архиепископа Синайского Кирилла I (1759–1790), постоянно проживавшего на Константинопольском подворье. В 1787 г. в сане диакона Константин сопровождал архиепископа Кирилла в Молдавское княжество для посещения монастырей и подворий, приписанных к горе Синайской. В Молдавии он сблизился с главнокомандующим русскими войсками графом П.А. Румянцевым-Задунайским и по его рекомендации в 1790 г., после смерти дяди, отправился в Киев, где с 1748 г. существовал греческий монастырь св. Екатерины, и поступил в Киевскую духовную семинарию. По окончании семинарии в 1794 г. он вернулся в Константинополь и отправился морем в Каир для пребывания на подворье Синайской обители. В начале 1796 г. был вызван в Константинополь, рукоположен в иеромонаха и назначен архимандритом греческого монастыря св. Екатерины в Киеве. В этой должности Константин оставался около восьми лет. Усовершенствовавшись в русском языке и изучив существующий церковный порядок, он «успел усилить и упрочить монастырские доходы в пользу Синайской обители» и привел греческий монастырь «в лучшее устройство, внешнее и внутреннее» [К. З., 1860. С. 249]. Высшее духовное начальство неоднократно привлекало Константия в качестве посредника к переговорам с представителями Восточной Церкви и вообще всячески благоволило к нему, что и не удивительно, так как, по оценке И.И. Соколова, «Константий был человек очень ученый и образованный, знал языки греческий, латинский, французский и русский, был весьма сведущ в византийской истории и археологии, отличался кротким нравом и был исполнен многих добродетелей» [Соколов, 1998. С. 72].

В начале 1804 г. Константин получил извещение о заочном избрании его архиепископом Синайским, но, по свидетельству людей, хорошо его знавших, «не столько обрадовался сему лестному избранию, сколько болезновал о предстоящем удалении из России». Об искреннем сожалении Константия при расставании с любимым Киевом упоминает и российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев, долгие годы связанный с патриархом по долгу службы [Отношение российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева к князю А.М. Горчакову. Буюк-дере, 8 июля 1858 г. АВР РИ. Ф. 161. Спб Гл.А., II–9. Оп. 46. Ед. хр. 14. Л. 1 об. — 2 об.]. Причина была не только в том, что Константин успел свыкнуться с климатом и обычаями, а прежде всего в его нежелании расставаться «с тихим и свободным

образом жизни среди духовных обязанностей и любимых ученых занятий» [К. З., 1860. С. 249].

Приняв «единственно из послушания Церкви» новое назначение, Константин оставался некоторое время в Киеве, до получения одобрения Святейшего Синода и высочайшего соизволения на отъезд из России [там же], и лишь в начале осени 1804 г. отправился через Одессу в Константинополь и затем в Иерусалим, где в ноябре того же года состоялось, согласно установленному порядку, его посвящение в сан архиепископа св. горы Синайской.

Однако политическая ситуация на Ближнем Востоке не сразу позволила ему приступить к своим прямым обязанностям. Весь следующий, 1805 г., Константин провел в Палестине в ожидании благоприятных обстоятельств для безопасного следования либо морем через Египет, либо через Аравийскую пустыню в Синайский монастырь. В 1806 г. Константин переехал на о. Кипр «как на спокойное перепутье», но из-за боевых действий между Англией и Францией в Средиземноморье мирное морское сообщение было прекращено и он вынужден был остаться на острове на несколько лет. В 1813 г. ему удалось возвратиться в Константинополь, несмотря на свирепствовавшую там чуму, и вновь обосноваться на Синайском подворье, которое стало его постоянным местом пребывания в зимнее время. Лето же Константин проводил на острове Антигона в Мраморном море — сначала в греческом монастыре, а позже в специально устроенном для него скиту, «разделяя время между должностными занятиями по своей епархии и учеными упражнениями, а отчасти занимаясь садоводством» [там же. С. 250]. Не принимая участия в официальных переговорах с Портой, Константин всеми мерами содействовал учреждению и поддержанию греческих школ, оказывая им в том числе и финансовую помощь.

Уединенный образ жизни позволил Констанцию избежать османского гонения, вызванного греческим восстанием 1821 г., жертвами которого стали многие достойные греческие иерархи во главе с патриархом Григорием V. После подписания Адрианопольского мира в 1829 г. Константин много сделал для восстановления церковной жизни. При патриархе Константинопольском Агафангеле (1826–1830) он, «как человек ученый, приглашался в Патриархию для обсуждения проекта об обязанностях Вселенского Патриарха и Священного при нем Синода, составленного при Патриархе ввиду общего расстройств церковных дел» [Соколов, 1998. С. 72]. Есть сведения, что кандидатура Констанция, «пользовавшегося общим уважением и доверием духовенства, паствы и даже турецких властей» [К. З., 1860. С. 251] неоднократно выдвигалась при очередном освобождении Константинопольской кафедры, но он каждый раз уклонялся от патриаршества, предпочитая спокойный и независимый образ жизни [там же. С. 252].

Патриаршество. 6 июня 1830 г. Константин был избран на Константинопольскую кафедру. Были приняты и его условия «сохранить звание и должность архиепископа Святой Горы Синайской и навещать в свободное время его любимый скит на острове» [там же]. С этого времени он не прекращал усилий для улучшения экономического положения Константинопольской патриархии. За четыре года патриаршества Констанция были открыты начальные народные школы и коммерческое училище на о. Халки, приведены в должный порядок быт и жизнь константинопольских монастырей и патриаршей школы, осуществлялось исправление церковных книг. Константин благоустроил патриарший храм и дом в Константинополе, благоустроил храм Живоносного источника в Балукли.

При его участии были упорядочены церковные дела в Сербии, получившей политическую автономию на основании русско-турецкого мира в Бухаресте (1812), в 1831 г. Константин предоставил Сербской Церкви автономию. При Константии были установлены отношения с правительством Греции во главе с графом И.А. Каподистрией [Тальберг, 2008. С. 805]. При новом правителе Греции, короле Оттоне I, римско-католического вероисповедания, Константин старался удержать греческую иерархию в духовной зависимости от Константинопольской патриархии, но его усилия потерпели неудачу. 23 июля 1833 г. по решению баварских регентов от имени малолетнего короля Оттона I была провозглашена автокефалия Элладской Церкви, главой которой объявлялся король, но Восточные Церкви отказались ее признать, как объявленную в одностороннем порядке, без согласия Константинопольского Синода, что являлось нарушением церковного права. Возникла схизма, продолжавшаяся до 1850 г. Тем не менее Константин продолжал своими советами содействовать установлению должного церковного порядка и сохранению догматического единства с Константинопольской Церковью. В 1833 г. «за укрепление православной веры в новом королевстве» король Оттон наградил его орденом Спасителя I степени [К. З., 1860. С. 253], но это не помешало ему в 1841 г. обличать эллинское правительство, которое «самовластно, вопреки церковных правил, вопреки ненарушаемого единства, установило соборное правление, имевшее лишь видимость Синода, без должной силы по церковным делам» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву. Константинополь, 5 февраля 1841 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 3–3 об.].

Деятельность Константия не ограничивалась пределами Константинопольского патриархата, но распространялась и на другие поместные церкви. Однако обстоятельства того времени не благоприятствовали удовлетворению ходатайств Константия. Вследствие доноса великому визирю от смещенного им ранее митрополита Тырновского Константия (в 1834 г. ставшего преемником Константия на Константинопольском престоле с именем Константин II) и вмешательства британского посланника в Константинополе Дж. Понсонби, Константин был обвинен в приверженности к России и 14 августа 1834 г. низложен. Не исключено, что в этом сыграл свою роль и торжественный прием, оказанный патриархом российским морякам под командованием брата А.Н. Муравьева графа Н.Н. Муравьева-Карского, направленного в 1832 г. на Босфор для оказания дипломатической помощи султану Махмуду II при обострении отношений между Турцией и Египтом.

«С каким безыскусственным восторгом и сердечным пастырским благословением, — вспоминает очевидец, — Святейший Константин принимал усердно посещавших его в патриаршей обители военачальников наших и офицеров морских и сухопутных! Но не довольствуясь этим, он поспешил еще испросить себе тогда у султана разрешение отправиться с причтом в русский лагерь, расположенный на азиатском берегу Босфора, куда прибыв, обошел, осенил крестом и окропил святою водою занятые нашими войсками палатки; причем русское войско, одушевленное благословением невиданного прежде Патриарха, обращавшегося к нему на русском языке, громко приветствовало его. При отъезде из лагеря он благословил главного вождя святою иконою с мощами, в залог благословения и молитв своих о христоролюбивом воинстве единой России» [К. З., 1860. С. 253–254]. Разумеется, подобная демонстрация дружественных чувств не могла остаться незамеченной европейскими дипломатами и вряд ли пришлась по душе султану, для которого Россия продолжала оставаться враждебной державой.

Много лет спустя Константин жаловался Муравьеву, посетившему его на острове Антигона в 1849 г.: «Мы ничего не можем сделать в пользу Церкви, потому что при малейшем желании ввести какой-нибудь порядок нас сменяют по недостойным интригам или инославных послов, или, к сожалению, собственных наших единоверцев и даже архиереев, а тайным предлогом обыкновенно служит преданность России» [Муравьев, 1914. С. 8]¹.

Лишившись кафедры и вернувшись к обязанностям архиепископа Синайского, Константин, по словам знавших его людей, «с внутренней радостью возвратился к ограниченному, но мирному кругу своих обязанностей и упражнений» [К. З., 1860. С. 252]. С этим мнением вряд ли можно согласиться, поскольку до конца своих дней Константин оставался ключевой фигурой на Православном Востоке, сохранив свой авторитет и свое влияние на важнейшие церковные дела.

Константин как предстоятель Синайской архиепископии. Важнейшим историографическим источником для обзора архипастырской деятельности Константия в постпатриарший период является его переписка с А.Н. Муравьевым, в которой отразилась реальная картина церковно-дипломатической ситуации в Османской империи, состояния церковных дел в восточных патриархатах и личного участия в них патриарха Константия.

На первом плане для Константия, как, впрочем, для всех греческих иерархов, стоял экономический вопрос. Не имея иного источника финансирования, кроме доходов с зарубежных подворий, восточные патриархии и отдельные епархии, в числе которых значилась и Синайская архиепископия, нуждались в пособиях, поступающих из единоверной России. Для ежегодного получения русской материальной помощи для Синайской Церкви Константин с жаром отстаивал ее автономный статус, доказывая, что Синайская архиепископия не зависит от какого-либо Восточного патриархата, в том числе от Иерусалимского. Поводом к тому послужило описание Иерусалимского престола, составленное секретарем Иерусалимского Синода, известным историком и, как его называли члены Святогробского братства, грамматиком Анфимом Анхиальским. Так, Анфим утверждал, что «Синайский архиепископский престол, который из уважения к богоходимым местам причисляли бы после назаретского, а не после титулярного пустого газского, состоит в зависимости Иерусалимского П<атриарха>» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву. Константинополь. 5 февраля 1841 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 3–3 об.]. Из этого описания, сетовал Константин, обер-прокурор Св. Синода сделал заключение, «что святая древняя Лавра Синая принадлежит Иерусалимскому Патриарху» («...чего никогда не бывало, — жаловался Константин Муравьеву, — как известно прочим Восточным Патриархам и даже турецкому правительству» [там же]).

Поскольку речь шла о испрашивании милостинной дачи Синайской обители, Константин обратился к помощи Муравьева, служившего тогда за

¹ А.Н. Муравьев, посетивший в Константинополе двух бывших патриархов константинопольских — Константия и Григория VI — в 1849 г., записал их слова о положении Великой Церкви и незавидной участи ее предстоятелей: «Доколе Россия не истребует себе таких же прав в отношении нас, Патриархов, какими она пользуется в отношении господарей Молдавии и Валахии, т. е. чтобы нас не смели избирать или по крайней мере сменять без ее согласия, до тех пор мы ничего не можем сделать в пользу Церкви, потому что при малейшем желании ввести какой-нибудь порядок нас сменяют по недостойным интригам или инославных послов, или, к сожалению, собственных наших единоверцев и даже архиереев, а тайным предлогом обыкновенно служит преданность России».

обер-прокурорским столом: «Дело сие крайне встревожило меня и обеспокоило общество Синайское, которое с давних времен всегда в лице своего архиепископа просило и требовало милостинную дачу как для Синайской обители Неопалимой Купины, так и для Николаевского в Галаце монастыря, зависящего от Синая».

Эта поправка была крайне существенна для Константия, так как на нужды Иерусалимского престола начиная с 1834 г. ежегодно направлялись из России 30 000 руб. кружечного сбора, и Св. Синод, полагая, что Синайские обители, как подведомственные Иерусалимскому престолу, вправе рассчитывать на русские дотации, мог отказать в прямом выделении средств на нужды Синайской горы. Для устранения возникшего недоумения и доказательства независимости Синайской архиепископии Константин был вынужден обратиться к истории: «С<вятая> обитель Горы С<инайской> и архиепископ ни от кого не зависят по приказному определению (Novellue) императора Великого Юстиниана Строителя в 530 году с<вятой> оныя обители, который благочестиво уважая святые те места, где чудесные явления проображали воплощение Сына Божия, чествовал, по сему царскому своему приказу, начальника духовного монастыря Синайского ιερίτσοv и αρχιεπίσκοποv и не подвластным. И если сей, по выборе своем и наречении — ни от какого Патриарха, но прямо от Собора Синайского, по древним привилегиям, — отправляется в Иерусалим для посвящения, то бывает по синодальным, также древним, определениям, сходным с юстинианским приказанием, чтобы архиерей, как монастырский, посвящен был монастырскими архиереями» [там же].

Муравьев пытался убедить Константия, что «весьма далек от того, чтобы верить новой рукописи монаха Анфима более нежели древним преданиям и настоящему порядку о совершенной независимости Горы Синайской от Престола Иерусалимского». «Если же и милостыня Синайской Горы отправлена была вместе с Иерусалимскою, — писал он в ответном письме от 20 марта 1841 г., — то это по какой-либо ошибке, которая отнюдь не повторится, а совсем не по книге Анфима, не имевшей и не могущей иметь на то никакого влияния» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Вселенскому Константию I от 20 марта 1841 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 7–7 об.].

Помимо пособий синайским обителям важным предметом внимания Константия были греческие монастыри и подворья в Молдавии, Бессарабии и Румынии, доходы с которых являлись основной статьёй бюджета восточных патриархатов. Имевший большой опыт в делах управления церковной недвижимостью, Константин от лица патриархов вел переписку со Св. Синодом относительно прав этих обителей, многие из которых после Бухарестского мира (1812) оказались на территории княжеств, вошедших в состав Российской империи. В 1831 и 1832 гг. последовали предписания из Петербурга, чтобы «от каждого монастыря, по мере их доходов, ежегодно выплачивалась [господарям княжеств] определенная сумма на общие благодеяния». Однако, как информировал Муравьева Константин, молдо-влахийские господа «притесняют нас и сильно настаивают, чтобы мы согласились, вместо того, чтобы ежегодно платить в соответствии с доходами каждого монастыря, отказаться от управления этими монастырями и подворьями, что противоречит не только грамотам основателей монастырей, но и праву монастырей на землю, ибо многие монастырские земли куплены на монастырские деньги, как видно из господарских грамот». На нужды же греческих подворий предполагалось выделять лишь четвертую часть дохода,

«на которую они существовать не смогут» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву. Константинополь, 4 ноября 1841 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 5–5 об.].

Вместе с жалобой на молдо-влахийских господарей Константин сообщал о принятом патриархами решении «оставить с монастырских доходов ежегодно обоим княжествам 800 000 левов для общепользных там учреждений, чтобы укротились притязания и разорительные нападения на монастыри» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву. Константинополь. 5 февраля 1842 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 6–6 об.]. Из указанной суммы патриархи просили отделить 250 000 левов для Константинопольского училища, поскольку, как отмечал Константин, «оба княжества, пользуясь теперь, при Высочайшей защите, изобильными доходами, не имеют той надобности и крайней нужды, которую мы ныне имеем при окружающих восточную православную веру горьких обстоятельствах, вызванных умножением на Востоке папских и протестантских миссионеров. Хотя мы не имеем другого способа для содержания и сохранения святых мест, кроме доходов с монастырских имений, однако же, ввиду такой страшной опасности, решились из этих слабых доходов учредить, где есть надобность, школы для поучения и просвещения» [там же. Л. 7].

Как местоблюститель патриарха Мефодия, Константин обращался к посредничеству Муравьева и в интересах Антиохийского престола. Еще в 1834 г. Мефодий просил Константия выяснить возможности получения русских субсидий для Баламандского монастыря, подчиненного Антиохийскому престолу. Тогда из-за низложения Константия дело так и осталось нерешенным. В августе 1842 г., в связи с отправлением в Россию для сбора пожертвований митрополита Илиупольского Неофита, Константин вновь возвращается к этому вопросу. «Его Блаженство чрез российскую миссию давно просил о отпущении милостинного подаяния как ему собственному принадлежащему, так и к монастырю, что в Ливане Пелеменскому (Баламандскому. — И.С.), — писал он Муравьеву. — Прошу Вас, именем Его Блаженства, чтобы ходатайствовали, где следует, об отпущении и отправлении милостинной сей дачи» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву. Константинополь, 20 августа 1842 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 9].

Считавший заботу о церковных доходах своей первой обязанностью и всегда вступавшийся в защиту прав собственности греческих монастырей и подворий, Константин был крайне огорчен, получив известие о предполагавшемся упразднении Синайского подворья в Киеве, устроенного на Подоле с позволения Петра Великого в 1698 г. монахами, присланными от горы Синайской за сбором милостыни на Украину и в Малороссию. В 1787 г., по высочайшему повелению, Синайское подворье в Киеве, как и афонский Никольский монастырь в Москве, были причислены к разряду второклассных монастырей, а в 1842 г., как сообщал Константин, монастырь «исключен из штата и уничтожен». «Сия неожиданная весть жестоко поразила меня, всегда преданного к России и сей ради приверженности низложенного с патриаршего престола», — признался Константин Муравьеву [Письмо к АНМ. 20 декабря 1842 г. Константинополь. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 11–11 об.]. Обиду Константия усугубляло еще и то, что, когда в 1816 г. для расширения Кишинева понадобились земли, принадлежавшие Синайской архиепископии, братство горы Синайской через своего архипастыря «с великим радостным усердием спешило исполнить Высочайшее требование, поднеся российской короне целую землю, довольным пространством и ежегодным

доходом, со всеми грамотами и документами, принадлежащими оной земле, лежащей за Прутом при Кишиневе, без всякого обмена», с единственным условием, чтобы «был под милостивым покровительством сей Киево-греческий монастырь» [там же. Л. 11–11 об.]. Но уже в феврале 1843 г. Константин получил известие от Муравьева, что «собственная обитель горы Синайской останется непоколебимою на горах Киевских, залогом единоверия обеих Православных Церквей, Греческой и Российской» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Вселенскому Константию I. С.-Петербург. 8 февраля 1843 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 17–17 об.].

Тем не менее, несмотря на постоянные признания в «приверженности к России», Константин, проведя много лет в Киеве, а затем многократно ходатайствуя перед Св. Синодом о греческих имениях, порой позволял себе эмоциональные и даже критичные высказывания в адрес российской иерархии, о чем, в частности, свидетельствует дневниковая запись архимандрита Порфирия (Успенского) от 10 октября 1846 г., где архимандрит излагает содержание своего разговора с митрополитом Филаретом (Дроздовым) о посещении Константия в Константинополе. «Архиепископ говорил мне, что преосвященные предстоятели всех святых мест недавно просили помощи и защиты у нашего Св. Синода касательно принадлежащих им в княжествах имений и что Синод передал их прошение в наше министерство иностранных дел, а оно уведомило о сем посланника Титова. Титов же дал почувствовать всем восточным иерархам, что мимо его не надлежало бы им утруждать Синод наш прошением. Константин винил всех вас, Владыка Святой, и называл бессильными, даже нравственными нулями» [Порфирий (Успенский), 1896. Т. 3. С. 84]. Приходится признать, что даже столь образованный, опытный и явно симпатизировавший России греческий иерарх, много лет проживший в России и находившийся в постоянной переписке по церковным делам со Св. Синодом, так и не понял положения Русской Церкви в православной Российской империи. Зато это хорошо понимал Московский митрополит Филарет, ответивший Порфирию, «что по установленному порядку Синод *должен был* передать в министерство прошение восточных братий» [там же].

Борьба с инославным прозелитизмом. В 30–50-е гг. XIX в. — наиболее сложный в военно-дипломатическом отношении период на Ближнем Востоке, в условиях активизации европейской дипломатии и ее вмешательства в дела восточных патриархатов и повсеместного распространения инославного миссионерства, — иерархическая деятельность Константия была направлена на сохранение православия и соблюдение церковных интересов Восточной Церкви. Как местоблюститель Антиохийского престола, патриарх Константин выступил в защиту прав Блаженнейшего Мефодия в «деле о камилавах», взяв на себя роль посредника между Константинопольским Синодом, патриархом Антиохийским, многие годы проживавшим в Александрии, и Всероссийским Святейшим Синодом. Для усиления своих ходатайств Константин неоднократно прибегал к содействию Андрея Николаевича Муравьева, из переписки с которым выясняются новые подробности болезненного для православных дела.

Так, в послании к Муравьеву, предназначавшемся вниманию Св. Синода, Константин сообщал, что «трехглавый» патриарх Максим обратился с прошением к Порте, представив дело так, что «будто эти униаты с начала христианской веры были православными, и мы, отступив <от веры> и отделившись (смешно!) от них, должны скинуть монашеское одеяние, которое

носим, а не они». Копия прошения была отправлена к Константинопольскому патриарху Анфиму V, и на заседании Константинопольского Синода, в котором участвовал и Константин как представитель двух патриархов — Антиохийского и Александрийского, было составлено и подано Порте синодальное опровержение. Там среди прочего говорилось, «могут ли быть верными султану люди, которые обучаются, посвящаются в Риме, призываются быть верными чужой главе и скитаются по Европе?» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву. Константинополь, 4 ноября 1841 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 5 об.].

Противодействие православных иерархов распространению греко-католической унии вылилось в дипломатическое соперничество Франции и России, которую Константин считал гарантом стабильности на христианском Востоке, при бездействии турецкого правительства: «Дело еще не решено, — общал Константин Муравьеву в ноябре 1841 г., — Порты не знает, что делать, наши права поддерживаются российской здесь миссией, а Максима сильно защищает по предписанию министр французского посольства явно, как и прочие министры-католики» [там же. Л. 5 об.]. Константин уже готов был допускать развитие событий по худшему сценарию: «Если им удастся <добиться>, чтобы Порты признала Максима как униатского Патриарха всей Сирии и <позволила> носить со своими клобук и прочее наше монашеское одеяние, как носят в церкви наше облачение, то и последние православные в тех странах папским старанием станут, верно, переходить в унию, и тогда Патриархи без паствы от стыда принуждены будут удалиться, и таким образом (Боже, сохрани Восточную Церковь!), к общему православному прискорбию, потеряют древнейшие апостольские патриаршие престолы» [там же]. В конце концов, как уже говорилось выше, российским дипломатам, привлеченным к вопросу о камилавках обращениями Константия в Св. Синод, удалось добиться от Порты издания фирмана в пользу православных [Базили, 2007. С. 513].

Получая тревожные сообщения Константия о «тяжких днях прозелитизма римского на Востоке» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Вселенскому Константию I. С.-Петербург. 22 сентября 1841 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 9–9 об.], в России принимали во внимание главным образом католическую пропаганду. Но с окончанием военных действий в Сирии и принятием Лондонских конвенций ситуация на Востоке под влиянием британской дипломатии существенно изменилась и туда хлынули протестантские миссионеры, находившие поддержку при Блистательной Порте.

Константий писал в Россию одно послание за другим в надежде привлечь внимание российского императора «к западной политике, угрожающей православной вере на Востоке»: «что мы, слабые Патриархи, можем сделать, если сильная десница Его Императорского Величества (ходатайством Святейшего Синода) не поддержит в сих восточных странах православную веру как небесный ее защитник?» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву. Константинополь. 5 февраля 1842 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 7]. Не менее тревожной виделась Константию ситуация в Иерусалиме, который, по его словам, «не вооруженною рукою, но дипломатическими хитрыми средствами сделался спорным яблоком или камнем соблазна» и на который Запад «не из уважения обратил свое внимание, но по зависти, по ревности, по духу прозелитизма и по другим опасным православию намерениям, скрывающимся под видом школ и других, будто благотворных, учреждений» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву от 20 декабря 1842 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 11].

Инославная миссионерская активность сопровождалась соответствующей дипломатической поддержкой, и поэтому единственно действенной мерой «против пагубного наводнения пропаганды», которую употребляет «хитрая нынешняя политика», Константин считал просвещение православной паствы через налаживание образовательной системы при повсеместном учреждении школ и училищ и настойчиво требовал помощи российского правительства, в частности призывая освободить греческие монастыри от «пронзырливых умыслов» молдо-влахийских господарей.

О римско-католическом влиянии. Одной из ответных мер Римско-Католической Церкви на водворение в Иерусалиме протестантского епископа было учреждение Петрской архиепископии, предварившее поставление и водворение в Иерусалиме латинского патриарха (1847). В письме от 5 февраля 1845 г. Константин сообщал Муравьеву, что «папский архиепископ Петрский наименован “по милости Б<ожией> и апостольского Римского престола” блюстителем патриаршего Константинопольского престола» [Письмо Патриарха Константия к А.Н. Муравьеву. 5 февраля 1845 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 15]. («Видно, не довольно было одной Б<ожией> милости», как едко прокомментировал Константин). Последовательно проводя церковную политику Григория XVI, римский местоблюститель, по словам Константия, «издал окружную поручительную грамоту против Восточной Православной Церкви, жестоко, по папской ревности, осуждая и духовенство, и греческую нацию как весьма заблужденных неведением и предрассудками и погруженных в плен обманов и погрешений, увещевая и призывая в папское единство, от которого отделились, прервав с ним связь чрез раскол и отделение, Σχίσμα» [там же. Л. 15].

Константий взял на себя труд написать опровержение обвинений Православной Восточной Церкви в схизме [там же. Л. 15–15 об.]. Его же перу принадлежит текст «Окружного послания Единой Святой Кафолической и Апостольской Церкви ко всем православным христианам», подписанного Константинопольским патриархом Анфимом VI и другими восточными патриархами и их синодами и изданного в Константинополе в мае 1848 г. в ответ на энциклику папы Пия IX *In Suprema Petri Apostoli sede*.

Участие в избрании Иерофея патриархом Антиохийским. Из дневниковых записей архимандрита Порфирия (Успенского) можно сделать вывод о косвенном участии Константия в избрании на Антиохийскую кафедру после кончины патриарха Мефодия архиепископа Фаворского Иерофея. «Антиохийский Патриарх Иерофей, бывший архиепископ Фаворский, избран старанием Синайского архиепископа Константия и нашего консула Базили» [Порфирий (Успенский), Ч. IV. 1886. С. 309–310]. О симпатиях Константия к Иерофею было известно еще со времени несостоявшегося в 1845 г. избрания последнего на Иерусалимский престол. Тогда, в письме от 5 февраля, Константин писал Муравьеву: «Теперь дела сего важного решения (избрания патриарха Иерусалимского. — И.С.) зависят от Севера (т. е. от России) и от Иерусалимского Синода. Я сердечно желаю, чтобы Фаворский имел благополучную удачу» [Письмо Патриарха Константия к А.Н. Муравьеву. 5 февраля 1845 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 15–15 об.]. Но ожидания Константия (а вместе с ним и русских представителей на Востоке, а также самого Иерофея) не оправдались.

Осенью 1850 г. для Иерофея вновь забрезжила надежда. Константин, через которого как управлявшего в 1840–1850 гг. делами Антиохийского престола в Константинополе шла переписка Константинопольского патриарха

с Дамаском о выборе кандидата на Антиохийскую кафедру, приложил все старания к тому, чтобы в полученное им дамасское послание было вписано имя архиепископа Иерофея. Этот пример лишний раз подтверждает справедливость мнения о восточных патриархатах как «системе сообщающихся сосудов» [Лисовой, Смирнова, 2007; Лисовой, Смирнова, 2009 (а). С. 7; Лисовой, Смирнова, 2009 (б)].

Вопрос о святых местах. В 1850 г. Константию пришлось защищать права Иерусалимской Церкви против притязаний католиков на святые места Иерусалима и Вифлеема. Предлогом к очередному обострению восточного вопроса послужило требование бельгийского посланника в Константинополе восстановить гробницы Готфрида Бульонского и Болдуина, находившиеся внутри храма Гроба Господня, у подножия Голгофы, но утраченные после пожара 1808 г., а вскоре вышла в свет брошюра Э. Боре «О святых местах на Востоке», которая «натолкнула французское правительство на мысль предъявить Порте требования в защиту давних претензий римских пап на святые места» [Муравьев, 2019. С. 136]. В официальной ноте, представленной Порте французским посланником Ж. Опиком, излагалось требование восстановить католическое духовенство в его прежних правах и привилегиях, якобы восходящих еще к завоеванию Иерусалима крестоносцами в 1099 г., и возратить «те места поклонения в Иерусалиме и Вифлееме, которые будто бы несправедливо присвоены себе греками» [Записка В.П. Титова в Азиатский департамент. Константинополь, 12 июля 1850 г. АВП РИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 743. Л. 125–125 об.]. За французской нотой последовали аналогичные ноты представителей Бельгии, Испании, Сардинии, Неаполитании, Португалии и Австрии.

Российские дипломаты расценивали демарш католических держав как повод начать новый процесс по возвращению святых мест, и в первую очередь храма Гроба Господня, католикам: «Все их притязания клонятся, очевидно, к тому, чтобы, как и во времена Готфридов (когда греки были согнаны за Иордан), храм Воскресения сделался бы католическим храмом» [там же. Л. 128–128 об.]. Не было для них секретом и мнение французского генконсула в Иерусалиме Ботта², что «Римская Церковь никогда не согласится не только на уравнивание прав, но даже на признание какого-либо права схизматиков и еретиков на святые поклонения» [там же. Л. 129 об.]. По словам генконсула Базили, это было вовсе «не частное воззрение лиц, но вообще Латинской Церкви и ее поборников». В такой ситуации русские дипломаты считали единственно верным отстаивать права греков, рекомендуя им соблюдать «умеренность и аккуратность <...>, дабы избежать всякой ссоры» [там же. Л. 129 об. — 130].

Не остался в стороне в этот критический момент и Константин. Он написал опровержение на книгу Э. Боре, насквозь пронизанную, по словам Муравьева, «оскорбительными выражениями и нетерпимостью» [Муравьев, 2005. С. 106] и призывавшую «ввести с помощью республиканских флотов немедленное исполнение постановлений Порты» [там же. С. 121]. Обличая фанатизм и непорядочность латинского духовенства в его отношениях с греческим духовенством, Константин указывал на приоритетность вопроса о святых местах в проблематике восточного христианства, и прежде всего вопроса о том, кому принадлежит Гроб Господень. Ни в коей мере не

² Ботта Поль Эмиль (*Botta, Paul-Emile*; 1802–1870), французский археолог и дипломат; в 1847–1857 гг. был консулом в Иерусалиме.

оправдывая Э. Борэ, патриарх видел в нем лишь орудие в руках иезуитов и считал своим долгом опровергнуть клевету и доказать легитимность принадлежности святых мест грекам, основываясь на документах.

Чтобы доказать необоснованность католических притязаний, Константи́й использовал и сообщенные Муравьевым сведения из францисканских источников³, согласно которым святые места отнюдь не «с незапамятных времен исключительно принадлежали» католикам [Записка В.П. Титова в Азиатский департамент. Константинополь, 12 июля 1850 г. АВП РИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 743. Л. 129]. Так, в письме, отправленном Константию в самом начале 1851 г., сообщалось следующее: «Благочестивый Роберт, король Сицилийский, брат св. епископа Людовика (из ордена миноритов), с супругою своею Санциею, послал богатейшие дары султану Египетскому и получил от него соизволение, чтобы братья минориты, т. е. францискане, имели всегда право обитать и служить на горе Сионской. Итак, вот где начало всех прав и чем оно ограничено. Королева построила там обитель для братий, заключающую все святые места вечери тайной, сошествие Святого Духа и явление Господа ученикам Своим в день Воскресенья. Там учреждено было постоянно житьствовать 12 братиям сего ордена, а несколько других содержались при Святом Гробе, дабы там постоянно совершалась Божественная служба, и все сие было утверждено буллою папскою Климента V 30 ноября 1336 года» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Константию I. С.-Петербург. Январь, 1851 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 35 об. – 36]. Как комментирует эти сведения Муравьев, «уже на первом шагу видно притязание римское: король испрашивает у султана дозволение посетить братию на Сионе, а уже Папа посылает иноков внутрь Святого Гроба» [там же].

Относительно Вифлеемского храма в цитируемом Муравьевым издании 1620 г. сказано, что о разрешении францисканцам обосноваться «в Вифлееме у яслей Господа ничего не упоминается ни в какой булле», известно только, что папа Григорий XI (1370–1378) «позволил братии францисканской основать у церкви св. Николая обитель с колокольнею и кладбищем близ Вифлеема» [там же. Л. 36–36 об.]. «Итак, — заключает Муравьев свое письмо к Константию, — в исходе XIV века франки допущены иметь близ Вифлеема только церковь, а в XVI веке они уже не допускают православных Патриархов даже к поклонению святыне, хотя сами не знают, на чем основано их право» [там же. Л. 36 об.].

В письме к Муравьеву от 14 июня 1851 г. Константи́й выражал надежду, что, несмотря на «сие сильное западное или, лучше сказать, папское покушение и нападение на святые места, которое очень устраивает для своей цели и папу и духовенство, Бог силен непременно избавить и святые места и православных от сего лукавого искушения» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву от 14 июля 1851 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 25].

Перевод брошюры на французский язык, над которым Константи́й работал в течение восьми месяцев, был издан в июле 1851 г. Несколько раньше было опубликовано опровержение на книгу Боре доктора Стефана Карафедорита, тогда как две записки А.Н. Муравьева «Ответ г-ну Боре на вопрос

³ Речь идет о книге: *Trattato delle piante & immagine de sacri edifizii di Terra Santa, designate in Gerusalemma dae R.P.F. Bernardino, amico di Gallipopi, dall ordine di S. Francesco a Roma e di nuovo ristampate dall istesso autore in Firenze 1620.*

о святых местах», написанные для внутреннего пользования в апреле и июне 1851 г., были опубликованы автором на французском языке уже по окончании Крымской войны [Mouravieff, 1858]. И одним из самых заинтересованных читателей был Константин.

Благодаря за присланную ему книгу *Question religieuse d'Orient a d'occident j'ai lu purcouris attenlisement etje la trouse* (против Боре), Константин писал Муравьеву летом 1857 г.: «Я прочел ее со вниманием и нахожу совершенно согласною с канонами и преданием нашей Святой Кафолической Православной Восточной Церкви. Изъявляю Вам мою признательность и благодарность за то, что Вы написали и еще писать будете, и прошу защищать права нашей Святой Церкви, против которой не престаёт делать козни Рим и общество Парижское, наводняющее Восток своими миссионерами, мужскими и женскими, главный начальник которых есть знаменитый Евгений Боре» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву от 1 июня 1857 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 43].

Поощрение Константия привело к тому, что Муравьев «приготовил летом еще две книжки, частью составленные из переводных статей, частью из собственных, в числе коих был и ответ г. Боре о святых местах, пред началом войны посланный к нашему посланнику в Царьград, когда вопрос сей был в самом разгаре» [Муравьев, 1913. С. 88].

Богословская дискуссия 1851–1852. В 1851–1852 гг. патриарх Константин наряду с митрополитом Московским Филаретом и А.Н. Муравьевым принял участие в дискуссии по вопросу о различиях в отношении к крещению инославных в Русской Церкви и на Православном Востоке, поднятому в 1851 г. Вильямом Пальмером из колледжа Марии Магдалины в Оксфорде. По отзыву А.Н. Муравьева, «он усиливался доказать, что не все одинаково приемлется в обеих Церквях, Греческой и Русской: Русская приемлет западных в свое лоно без повторения обливательного их крещения, а Греческая — их перекрещивает» [Письма митрополита Московского Филарета... 1869. С. 386].

В опубликованном в Афинах памфлете под названием «Рассуждения о Восточной, или Православной, Церкви» Пальмер писал, что он «устраняется от общения с нею по причине существующего в ней ныне противоречия, так как русские говорят ему, что он крещен, и не дозволяют перекрещиваться, а греки утверждают, что он вовсе не крещен, и требуют, чтобы он крестился» [РГИА. Ф. 797. Оп. 22. 1 отд. 2 ст. Ед. хр. 151. Л. 5]. Помимо разности в обрядах, в памфлете (так называл свою брошюру Пальмер в письме к брату) рассматривались вопросы «о настоящем состоянии и мнимом преуспевании *Ортодоксальной* Церкви, о конфликте между «ортодоксией» и «католицизмом» и многие другие [Письмо Вильяма Пальмера к брату Эдвину Пальмеру, архидиакону Оксфорда. Афон, 17 февраля 1852 г. Bodleian Library University of Oxford. Department of Western Manuscripts, Mss. Eug. Lett. f. 432, p. 39–40].

Поднятая Пальмером полемика была взята на вооружение английским послом в Константинополе Стрэтфордом Каннингом [Смирнова, 2012. С. 108–131], которому не представлялось невозможным убедить Константинопольский Синод в «отклонении» Российской Церкви от греческого православия, и церковный раскол между Россией и Константинополем мог бы стать поводом для вытеснения России из Ближневосточного региона.

Замысел английского посланника Каннинга, с 1852 г. лорда Рэдклиффа, состоял в том, чтобы различия в обрядах Российской и Греческой Церквей представить как догматические расхождения. Как констатировал советник

российского посольства в Афинах В.С. Неклюдов, «великобританский представитель в Константинополе основывал на сем факте свои настоятельные убеждения Вселенскому Патриарху к разъединению Греко-Восточной Церкви с Российской, оказавшеюся будто бы неверною преданиям православия» [Неклюдов, 2014. С. 122–123].

«Меня опечалило письмо честнейшего диакона Палмера, — писал митрополит Филарет А.Н. Муравьеву. — В суждениях восточных о крещении сеют семена раскола. Это на небольшой грядке домашних разговоров и частных сношений: но журналы Греческого Королевства уже выносят оное на широкое поле общей известности и, может быть, постараются, чтобы оные росли. Бедные мы люди, которым суждено пить дрожidia времен» [Письма митрополита Московского... 1869. С. 368].

2 февраля 1852 г. в немецкой газете Allgemeine Zeitung (№ 43) со ссылкой на французскую газету Univers была помещена статья, в которой говорилось, что «Греческой Церкви, называющей себя православною, предстоит великое потрясение. Церковная газета получила сведения через Афины, что Патриархи Константинопольский и Иерусалимский с их Синодами впали в явное противоречие с господствующим в Российской Церкви учением о крещении, тогда как некоторые архиереи, страха ради, дабы явное неодобрение сего мнения не довело до разрыва, предпочли странный в делах веры изворот: т. е. содержать нейтралитет». В статье приводились исторические факты признания восточными патриархами присоединения протестантов к православию через таинство миропомазания в отличие от перекрещивания у греков и допущения обливательного крещения в России. И далее сообщалось, что на вопрос Уильяма Палмера к патриарху Константинопольскому, «каков его взгляд на это разногласие в учении о крещении» Патриарх, после трехмесячного совещания со своим Синодом, дал следующий отзыв: «Мы признали и признаем одно только крещение, чрез погружение. Если русские иначе поступают, то мы сего не знаем и не признаем. Мы признаем только одно крещение, без всякого убавления или прибавления, ничего в нем не изменяя».

Позицию патриарха Константинопольского Анфима IV (Вамвакиса) поддерживал патриарх Иерусалимский Кирилл, который, как говорится в той же статье, «дал на сие тот же ответ, как и сослужитель его Константинопольский. Другие епископы Турции и Греции были того же мнения и одинаково с обоими Патриархами извлекли из сего практическое последствие такого рода: “Надлежит тех, которые крещены чрез обливание, опять крестить чрез погружение”» [НИОР РГБ. Ф. 188. К. 4. Ед. хр. 2. Л. 30–31 об.]. Авторы статьи правомерно заключали, что «Патриархи Константинополя и Иерусалима, по неведению ли или по ненависти к католикам, не рассуждают, что вместо католиков они поражают Российскую Церковь, свою заступницу, и следственно самих себя» [там же. Л. 31]. Та легкость, с которой восточные иерархи отвергали практику Российской Церкви, показала, насколько реальны были опасения, высказанные в начале 1842 г. в записке на имя императора.

Митрополит Московский в письме от 2 мая 1852 г. писал Муравьеву: «Молю Бога о сохранении единомыслия святых Божиих Церквей, да не сбудется изъявленная в некоторых публичных иностранных листах, в феврале текущего года, надежда сынов чуждых, что оное потрясено будет» [Письма

митрополита Московского... 1869. С. 386]⁴. В качестве аргумента о позволительности обливательного крещения, практикуемого в некоторых случаях в Русской Церкви, Филарет привел постановления, принятые же греческими патриархами на Константинопольском соборе 1484 г.

При этом патриарху Константию был послан список с хранившейся в синодальной ризнице Московского Кремля грамоты Константинопольского патриарха Иеремии III, адресованной Петру Великому, в которой дозволялось немецкой принцессе, избранной в невесты его сыну Алексею Петровичу, довольствоваться одним лишь миропомазанием [там же]. Благодаря усилиям патриарха Константия I и митрополита Московского Филарета (Дроздова), при непосредственном участии А.Н. Муравьева и греческого ученого и писателя К. Икономоса прения, в которых более всех была заинтересована английская дипломатия, были прекращены.

Переписка патриарха Константия с митрополитом Московским Филаретом и А.Н. Муравьевым 1851–1852 гг., направленная на сохранение мира и догматического единства поместных церквей, носила фактически неофициальный характер и не дала вопросу о различиях в обрядах выйти за рамки частного обсуждения, тогда как английская дипломатия старалась использовать обрядовые несоответствия Российской и Восточной Церкви в качестве повода к межцерковному конфликту.

Переписка патриарха Константия с митрополитом Московским Филаретом и А.Н. Муравьевым, направленная на сохранение мира и догматического единства поместных церквей, носила фактически неофициальный характер и не позволила вопросу об обрядовых различиях выйти за рамки частного обсуждения, чтобы не нарушить хрупкого равновесия в отношениях с Греческой Церковью.

Константий как предстоятель Синайской горы. Помимо общецерковных, в том числе церковно-дипломатических и межконфессиональных, вопросов Константию приходилось решать проблемы, касавшиеся собственно Синайской Церкви. Одной из них был давний нерешенный вопрос о подворье Синайского монастыря в Каире, в котором монахам-синаитам, по решению патриархов александрийских, было запрещено совершать богослужения. В соборной грамоте, подписанной Александрийским патриархом Иоанникием (1645–1657), указывалось, что «в Каире осталась одна только церковь во имя Святителя Николая и собираемая в храме сем милостыня в праздничные дни едва могла содержать Патриарха с его клиром; но синайские монахи под предлогом малой службы старались подавить и сию малую оставшуюся искру, начав совершать тайнодействия в простом доме» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Александрийскому Иерофею II. Без даты [1852] НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 10. Л. 82 об.]. Таким образом, основным предлогом к запрещению служило опасение, что богослужения синаитов будут отвлекать богомольцев, а вместе с тем и доходы от патриаршей церкви.

В мае 1852 г., в самый разгар вопроса о святых местах в Палестине между греками и католиками и дискуссии о неперекрещивании инославных,

⁴ Богословская дискуссия завершилась тем, что в ответ на желание патриарха Константия I иметь копию с грамоты патриарха Иеремии III, адресованной Петру I, с разрешением довольствоваться одним лишь миропомазанием немецкой принцессы, избранной в невесты Алексею Петровичу, митрополит Филарет препроводил официально заверенный список грамоты через Муравьева. Переписка эта была прервана Крымской войной и последовавшей вскоре кончиной патриарха Константия I (†1857).

за ходом которых зорко наблюдали представители всех конфессий как на Востоке, так и в Европе, с новой силой обнаружилось взаимные несогласия (на этот раз между двумя восточными иерархами — Константием, архиепископом Синайским, и Иерофеем II, патриархом Александрийским)⁵. Константин обратился к Александрийскому владыке с просьбой позволить синайским монахам совершать службы в их собственной церкви, письменно обещая, что «всегда отправляться будет обедня зело рано и дверем затворенным, и никого из православных светских впускать не будут, чтобы тем не причинить малейшего убытка и ущерба свечам и кружке патриаршего храма» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву от 17 мая 1852 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 36 об.]. После очередного отказа Константин просил Муравьева «употребить всякий способ и сильное средство к склонению Патриарха Александрийского, чтобы он оставил наследственное упрямство, постыдное и вредное такому сану, и позволил синайтам служить на Синайском их подворье в Каире божественную литургию для душевного их утешения» [там же]. Константин вспомнил и то, что в 1650 г., при патриархе Иоанникии, синайская церковь св. Екатерины в Каире была обращена в мечеть — «ради материального вещества, к вечной анафеме виновника». С тех пор в Каире оставалось всего два православных храма — патриаршая церковь Св. Николая и Синайское подворье. «Вообразите, какое было мое удивление и горькая до слез печаль, — сетовал Константин, — на прошение Патриарха о совершении Святых Таин последовал отказ патриархов, будто бы находились во время гонения ариан, которые отнимали у православных церкви и запрещали им совершать Божественную Литургию. О времена, о нравы!» [там же. Л. 36 об. – 37].

Теперь же, когда Иерофею Александрийскому было позволено прислать в Россию архиерея за сбором милостыни и устройством подворья в Москве, Константин просил Муравьева, как епитропа Александрийской Церкви, ходатайствовать, чтобы «благодетельная к <Александрийскому> Патриаршему престолу Россия принудила его <Патриарха Иерофея II> ради божественного дела снять запрещение, которое постыдно православию пред лицом других христианских сект в Египте и еще более его сану» [там же. Л. 37].

Муравьев, от которого старейший святитель Востока ожидал и требовал «одоления непростительного сего упорства» [там же. Л. 36 об. – 37 об.], незамедлительно обратился к Иерофею II, с которым находился в постоянной переписке по делам восстановления каирской церкви Св. Николая. В первом же своем письме к Иерофею Муравьев поднял вопрос о деле Синайского

⁵ Патриарх Иерофей II Сифниот (греч. Πατριάρχης Ἱεροθεὸς Β΄ Σταφυλοπάτης) — патриарх Александрийский с 20 апреля 1847 г. по 1 января 1858 г. После отказа Артемия от престола предстоятелем Александрийской Церкви избрали Иерофея II, человека высокообразованного и чрезвычайно активного. Первоочередной заботой патриарха было назначение епископов на вдовствовавшие кафедры в Египте, назначение на должность иерокирикса известного греческого проповедника Никифора Гликаса, впоследствии митрополита Мифимнийского. Материальную помощь на нужды патриархата блаженнейший Иерофей получал в основном из России. В 1851 г. Иерофей II при посредничестве архимандрита Порфирия (Успенского) получил разрешение от императора на отправку в Россию епископа Фиваидского Никанора для сбора пожертвований. Иерофей участвовал в различных синодах для решения церковных вопросов, среди которых был и Синод в Константинополе в 1850-м, представивший каноническую автокефалию Элладской Церкви. Скончался 1 января 1858 г.: возвращаясь из церкви, поскользнулся, упал и умер.

подворья, одновременно уведомляя патриарха, что «три нижних яруса иконостаса уже исполнены» и что в ближайшее время к нему будут отправлены «десять больших местных икон и тридцать малых, и распятие сверху». «Просьба сия тем еще уважительнее, — убеждал он патриарха, — что они не желают гласной литургии для стечения народного, а только для удовлетворения своей духовной жажды, просят одной тайной обедни с затворенными воротами. Неужели, Ваше Блаженство, откажете им и нам в такой справедливой просьбе, особенно теперь, когда оказано Вам самим живое участие дозволением прислать за сбором милостыни Вашего епископа в Россию?» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Александрийскому Иерофею. Москва, 29 июня 1852 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 10. Л. 55–56].

Муравьев, как обещал, «сильно выразил Его Блаженству свое мнение» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Константинопольскому Константию I от 20 июля 1852 г. НИОР РГБ. Ф. 188, К. 11. Ед. хр. 25. Л. 45], показывая неуместность подобных споров между православными иерархами в то время, когда представители прочих конфессий предвкушали разобщение единства и скорое ослабление Православной Церкви, вызванное ее внутренними ссорами и разногласиями. «Подумайте, — увещевал Муравьев Иерофея, — какое неприятное впечатление произведет у нас сия молва и какой ответ даст посланный Ваш на вопрос наших духовных и мирян: правда ли, что в Каире из двух церквей одна заперта по мирскому расчету? И как же иссякла до такой степени христианская любовь между Вами к вящему торжеству римлян?»

Прекрасно понимая заинтересованность патриарха в поддержке России, Муравьев озвучил и крайне нежелательные для Александрийской Церкви последствия: «Поверьте, что это охладит сердца всех к Вашему собственному делу, если даже меня, искреннего ревнителя Вашего, который не раз доказал Вам свою преданность, оно охлаждает, и Вы более потеряете здесь, нежели выиграете у себя, продолжая такого рода запрещение» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Александрийскому Иерофею. Москва, 29 июня 1852 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 10. Л. 57]. Муравьев даже прибегнул если не к прямым угрозам, то по крайней мере к определенной строгости как к наиболее действенному средству склонить Александрийского владыку изменить порядок, введенный два века назад, по отношению к Синайскому подворью: «Я вполне надеюсь, что при получении моего письма Вы не замедлите исполнить сию христианскую просьбу, основанную на любви ко всей Восточной Церкви и к Вашему Престолу в особенности, ибо это отклонит от него в мыслях наших неприятную тень, это будет служить доказательством Вашей отеческой ко мне любви и даже того, что Вы дорожите моим участием в делах Ваших, ибо я говорю откровенно: доколе Синаиты не получат желанного разрешения служить у себя литургию, я совершенно отстранюсь от всего и буду ожидать с нетерпением по сему печальному вопросу решительного слова — разрешаю!» [там же. Л. 55–57].

Недовольство патриарха Иерофея II и высказанные им в ответном послании возражения с приложением соборной грамоты патриарха Иоанникия не поколебали убеждений А.Н. Муравьева, который готов был отказаться от дальнейший ходатайств за Александрийский престол: «Смирненно прошу прощения, как в том, что может быть невольно оскорбил Святыню Вашу, так и за то, что несмотря на все убеждения письма Вашего... я остаюсь при том же мнении, по убеждению моей совести и потому не могу быть Вашим епитропом по сему делу, хотя и благодарю за такую доверенность» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Александрийскому Иерофею II. Б. д. [1852]

НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 10. Л. 82]. Объяснил он и невозможность вмешательства Российского Синода во внутреннее дело Восточной Церкви, «которое вне пределов его власти и могло бы навлечь на него нареkanie за вмешательство в дела ему чуждые, обсужденные в свое время Константинопольским престолом, и которых окончательное решение, при нынешних обстоятельствах, совершенно зависит от лица Вашего Блаженства» [там же].

Ссылаясь на открытие в Москве нового подворья, обещавшее улучшение доходов Александрийского престола, Муравьев писал, что теперь, когда «покровительством России ограждена кафедра Святого Марка от всяких против нее незаконных покушений, не убогие синаиты ей опасны, которые только громки именем их нынешнего архиепископа, а страшен ей соблазн, который распространяется повсеместно молвою о внутреннем несогласии Православных Церквей в Египте, где радуется сему Римская Церковь, которая употребляет там все силы своего единства для возвеличения» [там же. Л. 82 об.]. Муравьев предупреждал и о нежелательности соборного обсуждения в Константинополе вопроса, зависевшего единственно от решения патриарха Иерофея, поскольку «из этого произойдет только новый шум и соблазн», и вновь призывал Иерофея «оказать синайским (пресвитерам, а не епископу) совершать у себя для своего утешения божественную литургию, дверем затворенным», с тем чтобы взаимные условия между двумя патриархами «для большей прочности на будущее время» были утверждены в Константинополе.

О нежелании патриарха Иерофея согласиться с предлагаемым ему решением вопроса можно судить по тому, что вновь и вновь Муравьев вынужден убеждать александрийского владыку уступить Константию в его просьбе. Письма из России отличаются самыми решительными выражениями, несколько смягченными лишь благодаря корректной правке митрополита Филарета. «Поспешаю еще раз (*и едва ли не в последний* — зачеркнуто), — писал Муравьев Иерофею II, — отвечать Святыне Вашей по вопросу о Синайском подворье в Каире. Из последнего письма Вашего я мог ясно видеть, что Вы хотите только (*умышленно* — зачеркнуто) запутать это дело (*притязательными изворотами* — зачеркнуто), а не просто (*и искренно* — зачеркнуто) разрешить пастырским словом по силе и власти данной. Следовательно, продолжать такого рода словопрения (*значит только: играть людьми и словами, а на это не станет у меня ни времени, ни терпения* — зачеркнуто) бесполезно (М.Ф.), — и не нахожу даже сие приличным (*между нами* — зачеркнуто)» [там же. Л. 72].

Одно за другим Муравьев отклоняет как неприемлемые все «уступки» Александрийского владыки синайским монахам. «Весьма странно разрешать синаитам ходить служить литургию в Старый Каир на расстоянии одного часа от их жилища, тогда как у них в доме есть уже готовая церковь, правильно или неправильно устроенная, но все-таки церковь. Для них ближе ходить к литургии в Вашу Патриаршую Церковь, нежели в Старый Каир. Еще страннее было бы синаитам строить вновь церковь с дозволения Вашего, когда она уже у них есть». «Не гораздо ли проще, — спрашивается в «последнем» письме по этому вопросу, — узаконить сию церковь желанным разрешением служить в ней литургию, особенно при таких благонамеренных условиях, какие предлагает Вам Патриарх Константиний и которые не будут Вам в ущерб» [там же. Л. 73 об.]. И в заключение Муравьев прибавляет: «Вот все, что я могу сказать по сему предмету; прочее в руках Ваших: я нахожу мои советы излишними» [там же].

Тем не менее переписка с Александрийским владыкой продолжалась и далее, однако тягостный для всех спор о синаитском подворье окончился лишь после Крымской войны. «С неизреченной радостью, — писал Муравьев патриарху Иерофею 17 февраля 1858 г., — получил я пастырское писание Ваше, которое исполнило сердце мое утешением при счастливой вести не только о разрешении, данном Вами, служить литургию на Синайском подворье в Каире, но и о совершении Вашим Блаженством впервые там божественной службы» [Письмо А.Н. Муравьева Патриарху Александрийскому Иерофею II от 17 февраля 1858 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 10. Л. 70–70 об.]. После того как об этом событии стало известно членам Св. Синода, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Григорий (Постников) поручил Муравьеву «от лица всего Синода» выразить Александрийскому патриарху, «как радостно сие событие для них и для всей Церкви, умиротворяющее на Востоке все Православие, что особенно важно при нынешних обстоятельствах» [там же].

Однако патриарх Александрийский этого письма уже не получил: 1 января 1858 г. он упал, поскользнувшись при возвращении из церкви. Падение оказалось смертельным. Таким образом, возвращение Каирского подворья монастыря св. Екатерины синаитам стало последним деянием Иерофея Александрийского для сохранения церковного мира с Синайской Церковью.

Ходатайство Константия об отправлении монахов в Киевский Екатерининский монастырь (1857–1858). Еще до того, как было окончено дело о Синайском подворье в Каире, у патриарха Константия возникла переписка о Екатерининском подворье в Киеве. Круг замкнулся: место, где началась его церковная карьера, стало и последним предметом его архипастырского внимания и заботы. К сожалению, это дело доставило Константию много огорчений и тревог. В 1842 г., когда Константин опасался закрытия Синайского подворья, вопрос о его сохранении был решен положительно. Более того, в апреле 1850 г. А.Н. Муравьев, возвращаясь из второго путешествия на Православный Восток, посетил Киевское Синайское подворье и даже советовал Константию «поместить там несколько братий, если будут на то средства, и представить куда следует о пособии», выражая надежду, что «быть может, принята будет во внимание просьба маститого старца, уважаемого на Севере, как и на Востоке» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Вселенскому Константию I от 25 апреля 1850 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 33].

В конце 1853 г. до Константия дошли слухи о «вредных будто бы действиях по управлению Киево-Греческим монастырем архимандрита Хрисанфа» [Справка об определении Св. Синода. Б. д. [1857] НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 57 об.], и Константин обратился в Св. Синод с просьбой удалить архимандрита от управления. Однако Киевский митрополит Филарет (Амфитеатов) на запрос Синода отвечал, «что Хрисанф действиями своими принес монастырю пользу» [там же]. 16 декабря 1854 г. определением Синода поручалось «г. обер-прокурору, чрез Министерство иностранных дел, сообщить Патриарху Константию и просить его отзыва» [там же]. Однако из-за начала Крымской войны переписка с Константинополем была прервана и возобновилась лишь в 1857 г.

Тем временем синайский архимандрит Хрисанф обратился к Киевскому митрополиту с просьбой принять его в один из русских монастырей, и Филарет Киевский в донесении в Св. Синод от 2 сентября 1856 г. сообщал, «что Хрисанф, по прибытии на его место другого настоятеля, может быть определен в какой-либо русский монастырь и что он уже при восшествии на

престол Государя Императора выполнил установленную присягу» [там же]. Однако из-за смены обер-прокурора Св. Синода⁶ дело о Синайском подворье было отложено на целый год.

1 июня 1857 г. Константин написал к А.Н. Муравьеву, что он уже полгода ждет ответа на прошение, переданное в Петербург через российского посланника А.П. Бутенева, «о позволении Святейшего Синода и даче паспорта архимандриту, которого отправляю в Киев на смену архимандрита Екатерининского греческого там монастыря, и по сие время, к крайнему моему прискорбию и удивлению, никакого решения не последовало» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву от 1 июня 1857 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 43]. Не было ответа и на прошение Синайского владыки выдать паспорт для возвращения к нему «как Горе Синайской нужному» иеромонаху Агафангелу Синаиту, в течение четырех лет обучавшемуся в Киевской духовной академии. В Константинополе тем временем давно находился в ожидании отъезда в Киев новый настоятель Киевского монастыря архимандрит Кирилл, вызванный из Синайской обители св. Екатерины. «Отложение сие долгое и непонятное весьма меня беспокоит и трогает мою честь. Очень прискорбно моему сердцу, что в Петербурге мало уважают мои прошения», — писал Константин Муравьеву после пятилетнего (!) перерыва, прося его содействия в ускорении дела о выдаче паспортов синайским священнослужителям [там же].

Муравьев, для которого послание Константия было «совершенно неожиданным после столь долгого молчания», которое он уже «почитал вечным», желая успокоить старца патриарха и выражая надежду, что «впредь таких промахов не будет», объяснял, что «медленное течение дел <...> происходит не от невнимания к лицам, достойным уважения, а только от медленности коллегиальных форм, которые и в иных случаях полагают препоны к успешному действию» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Вселенскому Константию I от 10 июля 1857 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 55–56 об.]. О том же он писал и новому обер-прокурору графу А.П. Толстому 20 августа 1857 г.: «К сожалению, дела Восточные идут очень медленно в Святейшем Синоде, потому что там нет особого переводчика для Патриарших грамот; их отсылают для перевода в Академию, и это проходит чрез столько коллегиальных форм, что в течение многих месяцев, как и в нынешнем случае, самые жизненные, самые необходимые грамоты остаются без ответа. То же замедление и с паспортами, когда они выдаются греческим духовным лицам, возвращающимся на родину, которые иногда теряют возможность возвращаться в удобное летнее время и должны оставаться на зиму или бедствовать в дороге» [Письмо А.Н. Муравьева к обер-прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому от 20 августа 1857 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 31. Л. 1].

К письму была приложена и копия письма Константия, и Муравьев просил обер-прокурора оказать патриарху особое внимание: «Он как видно сильно оскорблен, а между тем, зная его большое влияние на всю Церковь Восточную и глубокое уважение, которым доселе пользуется, и потому еще более опасаюсь, чтобы невниманием такому лицу не охладеть к нам к всей Церкви Греческой» [там же. Л. 1–2 об.].

⁶ Исполнявший должность обер-прокурора Св. Синода Александр Иванович Карасевский, назначенный на этот пост в январе 1855 г., умер 25 декабря 1856 г. С 20.09.1856 по 28.02.1862 обер-прокурором Св. Синода был назначен граф Александр Петрович Толстой.

Тем временем Константин, не имея ответа, продолжал сетовать на невнимание к его просьбам со стороны Св. Синода и Министерства иностранных дел, от которого не получил за девять истекших месяцев никаких известий. «Ах, как мне не помнить графа Нессельроде и г-на Синявина, которые усердно без замедления исполняли мои прошения. <...> Чувствительно очень мне равнодушие сие, и лучше сказать, презрение, которое жестоко трогает сан, честь мою, национальное обо мне мнение, и стыд лица моего покрывает. Когда Патриарха, архиерея, клир и прочие с удивлением спрашивают: почему еще здесь архимандрит Кирилл? Разве не хотят его приезда в России?» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву от 2 сентября 1857 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 45].

Не имея никаких сведений об архимандрите Хрисанфе, Константин готов был предположить, что замедление связано с тем, что он, «желая остаться непоколебимым в Киево-Печерском монастыре, быть непослушным и не возвращаться в свою обитель Горы Синайской, изыскал средства, полагает теперь препоны и запутывает к неуспешному действию моего прошения» [там же. Л. 45–45 об.]. Константин готов был предоставить своему подчиненному полную свободу, но лишить его должности настоятеля: «Пусть он делает, что хочет, остаться в России или возвратиться, а остаться и управлять ему, неповинуящемуся своему начальству, Екатерининским греческим монастырем, зависящим с давних времен от управления Горы Синайской, неправильно, и никак не могу с тем согласиться». И вновь просил Муравьева «употребить все возможные старания о решении и выдаче паспортов как иеромонаху Агафангелу, по предписанию Святейшего Синода к Киевскому митрополиту, и паче архимандриту Кириллу, понеже зима приближается». «Спешите, приятель и благодетель, — торопил Константин, — спешите, покорнейше прошу утешить старые дни» [там же].

Получив из Петербурга вместо ожидаемого с нетерпением паспорта для архимандрита Кирилла лишь выписку из устаревшего определения Синода с отзывом Киевского митрополита о том, что «архимандрит Хрисанф управляет вверенным ему монастырем удовлетворительно», огорченный патриарх Константин потребовал от Муравьева настоятельного ходатайства перед Св. Синодом, чтобы «архимандрит Хрисанф, по приказанию его (Св. Синода) был послушным к уставам Горы Синайской и к гласу своего пастыря и начальника, препоручил Киево-греческий монастырь преемнику своему архимандриту Кириллу и возвратится в святую свою обитель» [Письмо Патриарха Константия I к А.Н. Муравьеву от 3 сентября 1857 г. НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 46].

Надо полагать, что подобное решение было вызвано отсутствием информации, связанным с прекращением на длительный срок письменного сообщения с российскими ведомствами. Подозрения же Константия относительно настоятеля Киевского подворья, скорее всего, не имели оснований, поскольку за время управления архимандритом Хрисанфом монастырь был значительно перестроен и благоустроен: в 1850 г. был выстроен новый корпус для келий братии, в 1852–1853 гг. построена колокольня, в январе 1853 г. монастырь получил разрешение на устройство магазина, в апреле 1856 г. было сделано новое ограждение, а в сентябре того же года закончен ремонт печей в настоятельских и братских кельях; штукатурка и побелка всех корпусов, ограждений, монастырской церкви и колокольни и многое другое.

Тогда же, в начале сентября 1857 г., патриарх Константин не знал, что в ответ на его прошение еще 15 июля 1857 г. определением Св. Синода было

поручено «графу Александру Петровичу Толстому отвечать г. управляющему Министерством иностранных дел, что Святейший Синод не встречает препятствия к дозволению приехать в Россию для управления Киево-Греческим монастырем архимандриту Кириллу с диаконом Порфирием, а также и к возвращению в Константинополь иеромонаха Агафангела, с присовокуплением, что об архимандрите Хрисанфе будет сделано особое распоряжение, по получении ожидаемых о нем отзывов от Патриарха Константия и Киевского митрополита» [Справка об определении Св. Синода. Б. д. [1857] НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 56–56 об.].

Как только определение Св. Синода стало известно Муравьеву, он поспешил заверить Константия: «Нет никаких препятствий к выдаче паспортов архимандриту Кириллу и Агафангелу и вероятно уже теперь Вы изволили получить извещение чрез Министерство и я вторично писал о том к обер-прокурору, чтобы ускорить» [Письмо А.Н. Муравьева к Патриарху Вселенскому Константию I. Б. д. [1857 г.] НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 61–61 об.].

Награждение Константия орденом св. Александра Невского. Летом 1858 г. российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев выступил с предложением о пожаловании патриарху Константию ордена св. равноапостольного князя Владимира I степени. В отношении к управляющему МИД князю А.М. Горчакову Бутенев, перечисляя заслуги старейшего восточного иерарха, отмечал, что «он уже около 60 лет подвизается на поприще архиепископского служения, был два раза Константинопольским Патриархом⁷ во времена наибольшего нашего влияния здесь и, возвращаясь снова в звание синайского архиепископа, не утратил тем ни своего значения в Церкви, ни уважения, в котором не могло отказать ему несколько поколений даже турецких министров» [Отношение А.П. Бутенева к князю А.М. Горчакову. Буюк-дере, 8 июля 1858 г. АВП РИ. Ф. 161. Спб Гл. А. II–9. Оп. 46. Ед. хр. 14. Л. 2 об.].

Напоминая, что патриарх Константиий «принимал живое участие во всех важнейших событиях этой церковной эпохи и всегда с честью для своего имени», Бутенев обращал внимание и на связь его с Россией и Русской Церковью: «Если многоуважаемая личность сего Патриарха дает ему бесспорное право занять первое место между владыками Восточной Церкви, то для нас особенно памятна его непоколебимая преданность к России и Православию. Как ревнитель веры, он стоял и стоит еще бодро на страже Православия от всех иноверческих посягательств. Как питомец России, Патриарх Константиий принадлежит к числу немногих остатков старины, которые словом и делом напоминают нынешнему греческому духовенству, как многим оно нам обязано и как неразрывно соединено его собственное будущее с судьбами России» [там же. Л. 3–3 об.].

Посланник выражал уверенность, что высочайшая награда не только послужила бы отрадным утешением для последних дней патриарха Константия, но и «возбудила бы и в других Патриархах полезное для наших целей соревнование» [там же. Л. 4 об.].

29 сентября 1858 г. из канцелярии Капитула орденов в Азиатский департамент МИД сообщили, что, по Высочайшему соизволению, «Патриарх Архиепископ Синайской Горы Константиий был сопричислен к ордену св. Александра Невского» и присланы орденские знаки. В Высочайшей грамоте на имя патриарха, подписанной императором Александром II 27 сентября 1858 г.,

⁷ А.П. Бутенев, по-видимому, ошибся, так как в других источниках такие сведения отсутствуют.

говорилось: «В ознаменование особенного внимания Нашего к долговременному и ревностному служению вашему Церкви Православной сопричислили Мы Вас к Императорскому Орденому Нашему Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, коего знаки при сем препровождая, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению» [Высочайшая грамота на имя Святейшего Патриарха Архиепископа Синайской Горы Константия от 27 сентября 1858 г. АВП РИ. Ф. 161. СПб Гл. А. II–9. Оп. 46. Ед. хр. 14. Л. 7.]. Как рассказывали очевидцы, «престарелый Патриарх, от дряхлости и слабости в ногах тогда уже не сходявший с дивана, бодро встал на ноги и со слезами благодарности, вызванными получением орденовских знаков, поднял молитвенно руки и испрашивал долголетия милостивому царю православному и благоденствия незабвенной для него России. По этому случаю припомнил Константин, что ровно за 57 лет перед тем, находясь греческим архимандритом в Киеве, удостоился он получить богатую панагию (свято им сохраненную)⁸ от императора Александра I во время коронации Его Императорского Величества в Москве в сентябре 1801 года» [К. З., 1860. С. 254–255].

В благодарственном послании на имя императора Александра II от 15 ноября 1858 г. Константин писал:

«Ваше Императорское Величество, Государь Всемиловитейший! Тронутый до глубины сердца неожиданным изъявлением Монаршей ко мне милости, сопричислением меня к ордену Святого Александра Невского, спешу излить мою душевную признательность пред Вашим Императорским Величеством. Усердные мои молитвы будут возноситься к престолу Всевышнего за благоденствие Государя — Покровителя Православия и за спасение вверенной ему России, да хранит Бог Августейшее Его Семейство и да поможет Ему во всех благих Его начинаниях.

Россия при таком Государе счастлива и, как исполин, тешет путь свой в пределах славы своей, которые таким образом распространились от моря Балтийского до моря неприступного по сие время царства Китайского, и тою же сильною десницею Всемогущего Бога распространяется она в Азию, дондеже луна отъимется, по Священному Писанию.

Призывая благословение Всевышнего на Священную Главу Вашего Императорского Величества, с глубочайшим высокопочтанием и беспредельною преданностию есмь

Вашего Императорского Величества смиренный богомолец

Бывший Патриарх Константинопольский и Архиепископ Горы Синайской Константин» [Послание Патриарха Константия I на имя императора Александра II. Константинополь, 15 ноября 1858 г. АВП РИ. Ф. 161. СПб Гл. А. II–9. Оп. 46. Ед. хр. 14. Л. 17–18].

⁸ На самом деле панагия, о которой говорится в воспоминаниях, была похищена вместе с другим имуществом патриарха Константия, и вместо нее была изготовлена и отправлена ему другая панагия (см. письмо к А.Н. Муравьеву от 17 января 1849 г.).

Высочайшая награда, действительно, как предполагал российский посланник Бутенев, была отрядным, но, к сожалению, последним утешением патриарха Константия. «В первых числах января, — сообщает очевидец, — Патриарх тяжело заболел и, за неимением докторской помощи на острове Антигоне, переехал в город (Константинополь. — И.С.) на Синайское подворье. Здесь почувствовал он сперва кратковременное облегчение в одышке и в опухоли ног, но вскоре ослабел еще более и, напутствованный молитвами и таинствами Церкви, тихо, почти незаметно для окружающих, скончался» [К. З., 1860. С. 255]. Это произошло 5 января 1859 г. Патриарх Константи́й был погребен в монастыре Живосносного Источника в Балукли; в 1865 г. его прах был перенесен в Синайский Екатерининский монастырь, благоустройству которого Константи́й посвятил большую половину своей жизни.

В русском некрологе говорилось: «Патриарх Константи́й, без сомнения, замечательнейший из высших иерархов (а может быть, и многих своих предшественников), более полувека почитался украшением Православной Церкви на Востоке сколько пастырскими своими доблестями, столько же и светлым умом, миролюбивым характером, глубокою опытностью и многостороннею ученостию. Ученые его труды, особенно археологические, были известны и на Западе. Но едва ли не меньшею известностью он пользовался и в России» [там же. С. 246]. И действительно, патриарх Константи́й, получивший наименование «Мудрый» за свою ученость, поддерживал научно-культурные контакты с многими российскими иерархами, церковными и дипломатическими деятелями. Он является автором ряда богословских, исторических и полемических сочинений, в том числе: «Заметки о Египте» (1838), «Константириада» (1844), «О разностях в вере между православными и армянами» (1850), «Опровержение против исключительных притязаний Западной Церкви и римско-католических государей на право обладания святыми местами» (1851), «О замечательных мужах после взятия Константинополя», «О западных миссионерах», «Об Антиохийских патриархах до настоящего времени», «О клириках, подвизавшихся в добродетели и воспитании после завоевания (Константинополя)», «Рассуждение по вопросу о секте анабаптистов». Перу Константия принадлежит текст «Окружного послания единой святой кафолической и апостольской церкви ко всем православным христианам», подписанного Константинопольским патриархом Анфимом VI и другими восточными патриархами и их синодами и изданного в Константинополе в мае 1848 г. в ответ на энциклику папы Пия IX *In Suprema Petri Apostoli sede*.

После длительных исследований в области археологии Константи́й издал «Археологическое описание Константинополя и Александрии» — подробный исторический и топографический труд, напечатанный также на французском языке. Им были написаны и многочисленные пояснительные замечания и археологические справки, в том числе об обнаруженном при раскопках на ипподроме посреди Константинополя древнем пьедестале и надписях на нем [там же. С. 255].

Ценные сведения по церковной истории и археологии содержатся в письмах патриарха Константия к А.Н. Муравьеву.

Но наиболее отличительной чертой его всегда была любовь к России и Русской Церкви. Как отмечал российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев, «лучшие года его молодости посвящены были усовершенствованию в духовном подвиге в нашем отечестве. Посланный в Киев архимандритом тамошнего Синайского подворья, он пробыл у нас до вступления

на престол блаженной памяти императора Александра I. Оттуда вынес он ту пламенную любовь и преданность к русскому имени, которая с тех пор не покидала его и которая поныне заставляет его вспоминать с умилением о “благословенной России”. Современник пяти царствований, знавший лично Потемкина, Румянцева и других известных мужей Екатерининского века, он сроднился духом с этою новою для него отчизною, полюбил ее славу, ее великую будущность» [Отношение российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева к князю А.М. Горчакову. Буюк-дере, 8 июля 1858 г. АВП РИ. Ф. 161. СПб Гл. А. II–9. Оп. 46. Ед. хр. 14. Л. 1 об. – 2 об.].

Об отношении к Константию в России можно судить по словам святителя Филарета (Дроздова), сказанным им в 1859 г. при получении известия о его кончине: «Светлый луч восточной иерархии угас кончиною Святейшего Патриарха Константия» [Собрание мнений и отзывов Филарета... 1886. С. 186]. Тем не менее, несмотря на то что на протяжении всей своей архипастырской деятельности патриарх Константин I оставался ключевой фигурой на христианском Востоке, он недостаточно известен в России. И новые архивные материалы из Отдела рукописей РГБ и Архива внешней политики Российской империи позволяют преодолеть этот недостаток.

Литература

Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении. М.: Мосты культуры, 2007. 607 с.

К. З. Воспоминания очевидца о великом Патриархе Константиине // Странник. 1860. Июнь.

Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Участие русских дипломатов в церковно-политической жизни Восточных Патриархатов в середине XIX века // Российская история. 2009. № 1. С. 5–25.

Муравьев А.Н. Записка о состоянии Православной Церкви на Востоке. М., 1914.

Муравьев А.Н. Мои воспоминания. М.: Синод. типография, 1913. 98 с.

Муравьев А.Н. Ответ на вопрос о святых местах // Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И.Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019. 608 с.

Неклюдов В.С. Отзыв на отчет Б.П. Мансурова о палестинской командировке / Подг. текста, вступ. статья, примеч. Н.Н. Лисовой, И.Ю. Смирнова // Православный палестинский сборник. 2014. № 110. С. 129–139.

Письма А.Н. Муравьева к Патриарху Александрийскому Иерофею II // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 10.

Письма А.Н. Муравьева к Патриарху Вселенскому Константию I // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 18.

Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М. 1832–1867. Киев, тип. И. и А. Давиденко, 1869. 692 с.

Письма Патриарха Константиана I к А.Н. Муравьеву // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30.

Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Ч. III–IV. СПб, 1886.

Послание Патриарха Константиана I на имя императора Александра II. Константинополь, 15 ноября 1858 г. // АВП РИ. Ф. 161. СПб Гл. А. II–9. Оп. 46. Ед. хр. 14.

Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 22. 1 отд. 2 ст. Ед. хр. 151.

Смирнова И.Ю. Полемика о «присоединении инославных» и ее церковно-дипломатическое значение в канун Крымской войны (1850–1852) // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 108–131.

Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб, 1886.

Соколов И.И. История греческих Церквей в XIX веке // История Православной Церкви в XIX веке. Кн. I. Православный Восток. Изд. А.П. Лопухина. СПб, 1901. Репринт: М., 1998.

Тальберг Н.Д. История Христианской Церкви. Киев, 2008.

Титов В.П. Записка в Азиатский департамент. Константинополь, 12 июля 1850 г. // АВП РИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 743.

Bodleian Library University of Oxford. Department of Western Manuscripts, Mss. Eug. Lett. f. 432.

Mouravieff A.N. Question religieuse d'Orient et d'Occident. Livr. 1. Mouscou. 1856; Livr. 2–3. St. Pétersbourg, 1858.

References

Basili K.M. Syria and Palestine under the Turkish government historically and politically. Moscow, Publishing house "Bridges of culture", 2007, 607 p.

Bodleian Library University of Oxford. Department of Western Manuscripts, Mss. Eug. Lett. f. 432.

Collection of opinions and reviews of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on the affairs of the Orthodox Church in the East. Saint-Petersburg, 1886.

K.Z. Memoirs of an eyewitness about the great Patriarch of Constantine. *Wanderev*, 1860, June.

Letters from A.N. Muravyov to the Ecumenical Patriarch Constantine I. Research and Development of the Russian State Library. Fund 188. Box 3. Unit 18.

Letters from A.N. Muravyov to the Patriarch of Alexandria Hierotheus II. Research and Development of the Russian State Library. Fund 188. Box 3. Unit 10.

Letters from Metropolitan Filaret of Moscow to A. N. M. 1832–1867. Kyiv, 1869, 692 p.

Letters from Patriarch Konstanty I to A.N. Muravyov. Research and Development of the Russian State Library. Fund 188. Box 7. Unit 30.

Lisovoy N.N., Smirnova I.Yu. The participation of Russian diplomats in the church-political life of the Eastern Patriarchates in the middle of the 19th century. *Russian history*, 2009, no. 1, pp. 5–25.

Message from Patriarch Constantis I to the Emperor Alexander II. Constantinople, November 15, 1858. Archive of the foreign policy of the Russian empire. Fund 161. St. Petersburg. II–9. Inventory 46. Unit 14.

Mouravieff A.N. Question religieuse d'Orient et d'Occident. Livr. 1. Mouscou. 1856; Livr. 2–3. St. Pétersbourg, 1858.

Muravyov A.N. Answer to the question about holy places. Andrey Nikolaevich Muravyov and Russian diplomacy in the Orthodox East. Diplomatic notes and correspondence. Comp. I.Yu. Smirnova. Moscow, Indrik, 2019, 608 p.

Muravyov A.N. My memories. Moscow, Synod. printing house, 1913, 98 p.

Muravyov A.N. Note on the state of the Orthodox Church in the East. Moscow, 1914.

Neklyudov V.S. Feedback on the report of B.P. Mansurov on a Palestinian business trip. Prepared. text, entered. article, note. N.N. Lisovoy, I.Yu. Smirnova. *Orthodox Palestinian collection*, 2014, no. 110, pp. 129–139.

Porfiry (Uspensky), bishop. The book of my existence. Part III–IV. Saint Petersburg, 1886.

Russian State Historical Archives. Fund 797. Inventory 22 (1–2). Unit 151.

Smirnova I.Yu. The controversy about the "unification of the heterodox" and its ecclesiastical and diplomatic significance on the eve of the Crimean War (1850–1852). *Eurasia: spiritual traditions of peoples*, 2012, no. 4, pp. 108–131.

Sokolov I.I. History of the Greek Churches in the XIX century. History of the Orthodox Church in the XIX century. Book. I. Orthodox East. Saint Petersburg, 1901. Reprint, Moscow, 1998.

Talberg N.D. History of the Christian Church. Kyiv, 2008.

Titov V.P. Note to the Asian Department. Constantinople, July 12, 1850. Archive of the foreign policy of the Russian empire. F. Embassy in Constantinople. Inventory 517/1. File 743.